

А.Н.Щербак, М.О.Комин, М.А.Соколов
**«ОТВЕРЖЕННЫЕ»:
 СРАВНИТЕЛЬНЫЕ БИОГРАФИИ
 УКРАИНСКИХ И «НОВОРОССИЙСКИХ»
 ПОЛЕВЫХ КОМАНДИРОВ***

Ключевые слова: теория демократизации, социальный капитал, конфликт на юго-востоке Украины, биографический анализ

* Статья подготовлена в рамках научного проекта (№ 15-05-0059), выполненного при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2015 г.

Политический кризис на Украине, начавшийся осенью 2013 г., довольно быстро перешел в горячую фазу — от силового противостояния в Киеве до масштабного вооруженного конфликта на востоке страны. С началом боевых действий на первые роли вышли командиры вооруженных отрядов — «новороссийского» ополчения и украинских добровольческих батальонов. Впервые с середины 1990-х годов мы видим подобных персонажей на постсоветском пространстве. Отметим, что это уже не «советские люди», а выходцы из другого общества, своего рода продукт постсоветской трансформации. Напрашивается закономерный вопрос: кто они?

Мы принципиально ставим вопрос не об их политических или идеологических установках, а об их *социальном происхождении*. В настоящей работе тестируется гипотеза о близости социального происхождения командиров с обеих сторон. Мы исходим из предположения, что если украинский кризис являлся своего рода революцией, то в авангарде изменений должна была быть активная социальная группа¹. Обладая сходными социальными характеристиками, полевые командиры представляли собой контрэлиту, которая воспользовалась революционной ситуацией для самореализации.

Анализ биографий украинских и «новороссийских» полевых командиров свидетельствует о том, что последние относятся в лучшем случае к нижнему среднему классу. Этот вывод вступает в противоречие с постулатами ряда популярных теорий демократизации и модернизации, связывающих переход к демократии с расширением или созреванием среднего класса. Результаты проведенного нами исследования заставляют критически взглянуть на некоторые из основных положений соответствующих теорий, что, с одной стороны, указывает на специфику постсоветского политического контекста, а с другой — позволяет вписать разворачивающиеся там политические процессы в общемировые.

Работа состоит из четырех частей. Обозначив в первой части теоретическую рамку исследования, мы переходим к обзору собранных

¹ Голдстоун 2015.

нами биографических данных, а затем к анализу биографий по ключевым индивидуальным параметрам. Обсуждение полученных результатов представлено в четвертой, заключительной, части.

**Социальные
изменения
через призму
биографий:
теоретические
подходы**

² Дерлугьян 2010.

³ Hroch 1985.

⁴ Бурдые 1993.

Толчком к проведению настоящего исследования послужила книга американского социолога Георгия Дерлугьяна², где на основе биографии Мусы Шанибова (одного из представителей кавказской интеллигенции, кабардинца по национальности, возглавившего Конфедерацию горских народов Кавказа, которая сыграла важную роль в грузино-абхазском конфликте 1992—1993 гг.) прослеживается сложная траектория социально-политических процессов, происходивших в послевоенном СССР, а также в возникших на его территории государствах в период их становления. Среди прочего, в работе фиксируется «завышенная» доля интеллигенции не только среди руководства и активистов национальных движений (как, впрочем, и демократического движения в целом), но даже среди полевых командиров «горячих» конфликтов 1990-х годов. В поисках объяснения этого феномена автор обращается к концепции чешского историка Мирослава Гроха, использовавшего историко-сравнительный метод при изучении национальных движений³, а также к теории полей Пьера Бурдые⁴. Вводя понятие гомологичности социальной группы, он указывает на схожесть социально-экономических и политических траекторий конкретных людей, становящихся в переломные моменты яркими политическими лидерами. Та же закономерность прослеживается и в отношении советской интеллигенции, особенно национальной и низовой. По мнению Дерлугьяна, такая ситуация обусловлена несколькими причинами.

Во-первых, в позднем СССР имело место «перепроизводство» интеллигенции. Благодаря действовавшим системам образования, науки и культуры ее было довольно много, а вот достойных рабочих мест — уже нет. Во-вторых, одной из отличительных черт позднесоветской интеллигенции была неудовлетворенность своим статусом, убеждение в том, что косность сложившейся системы не позволяет реализовать себя в экономическом, символическом, профессиональном и политическом плане. Не интеллигенция начала перестройку, но именно она ее горячо поддержала. В известном смысле перестройку можно трактовать как отражение стремления одной из гомологичных социальных групп — интеллигенции — повысить свой статус в советском (или уже постсоветском) обществе.

Проведенный Дерлугьяном биографический анализ этот тезис подкрепляет. Среди чеченских сепаратистов мы видим, в частности, поэта Зелымхана Яндарбиева и актера грозненского драмтеатра Ахмеда Закаева. Еще более впечатляющим выглядит список политиков Закавказья: «Ставший президентом Грузии шекспировед Звиад Гамсахурдия был вскоре низложен скульптором-модернистом Тенгизом Китовани и кинокритиком Джабой Иоселиани; Абхазию в годы войны за неза-

висимость от Грузии возглавил исследователь древнеанатолийской мифологии бронзового века доктор наук Владислав Ардзинба; руководство революционного режима Азербайджана в 1992—1993 гг. едва ли не полностью вышло из Национальной академии наук, и даже, точнее, из физиков и востоковедов; президент Армении Левон Тер-Петросян прежде был хранителем средневековых манускриптов, а его одиозный министр внутренних дел Вано Сирадегян прежде писал рассказы для детей»⁵.

⁵ Дерлугьян 2010: 71—72.

Согласно нашей гипотезе, анализ социальных биографий полевых командиров позволит выявить схожие паттерны. В свою очередь, в случае близости таких биографий можно будет делать выводы как о характере сдвигов в украинском обществе, так и природе протестов.

Украинский кризис (или украинскую революцию) можно рассматривать через призму нескольких теоретических направлений. Первое из них — теория демократизации. Одно из популярных течений в рамках этой теории, известное как транзитология, обуславливает начало и успех демократизации действиями акторов (*agency*) и, соответственно, делает упор на изучении стратегий и решений акторов в различных институциональных условиях, особенно в критические моменты, как правило игнорируя массовое политическое участие и роль ценностей в политике.

В начале 2000-х годов транзитологическая парадигма вступила в полосу кризиса; некоторые исследователи даже заговорили о «конце транзитологии»⁶. Вместо демократического «хэппи-энда» в конце транзита оказывались либо авторитарные, либо гибридные режимы⁷ (в форме «беспомощного плюрализма» или «режима с доминирующей партией»⁸). Тем не менее череда «цветных революций» отчасти возродила интерес к транзитологическим трактовкам смены режимов. В соответствии с этими трактовками падение слабых гибридных режимов связывалось с протестами (обычно послевыборными), инициированными оппозицией, общественными организациями, сетями гражданских активистов. Причиной протестов объявлялись фальсификации результатов выборов, социальной базой — «продвинутые» жители столицы (средний класс) и региональные элиты⁹.

⁶ Carothers 2002.

⁷ Гельман 1998; Мельвиль 1999, 2004.

⁸ Gel'man 2006.

⁹ Tucker 2007; Stewart, 2009.

Второе направление — это макроисторическая социология. В отличие от транзитологов, сфокусированных на стратегиях акторов, а также на политической роли гражданского общества и среднего класса, исследователи этого направления обращают основное внимание на макросоциологические истоки общественных протестов. Так, представляя свое видение причин революций (вплоть до событий «арабской весны»), Джек Голдстоун выделяет в их числе экономические, социальные и демографические факторы¹⁰. Постоянные изменения в общественной структуре приводят к появлению «лишних людей», у которых немного шансов получить достойное место в обществе. Дополнительное напряжение создает демографическое давление, например, в виде «молодежного бугра»¹¹.

¹⁰ Голдстоун 2015.

¹¹ Коротаев, Зинькина 2011.

На наш взгляд, для лучшего понимания природы украинского кризиса основные элементы теории демократизации следует дополнить рядом положений из макроисторических теорий социальных революций. Во-первых, украинская «революция достоинства» пока представляет собой лишь попытку демократизации с открытым финалом. Во-вторых, социальной базой этой революции, возможно, является не только средний класс (и гражданское общество), но и другие, в том числе непривилегированные, классы. В этом случае собственно лозунг демократизации может оказаться отнюдь не на первом месте среди общественных приоритетов, уступая требованиям социальной справедливости и борьбы с неравенством и коррупцией. В-третьих, смена режима может открыть «окно возможностей» не для демократизации или структурных социально-экономических реформ, а для самореализации отдельных групп, имевших низкие шансы на социальную мобильность при прежнем режиме.

Командиры добровольческих батальонов и отрядов ополчения представляют собой прекрасный пример быстрой, а то и молниеносной социальной мобильности. Да, кто-то из них погиб в бою, кто-то был убит в результате внутренних разборок, кто-то уже через несколько месяцев вернулся к своим прежним делам, но кто-то стал депутатом парламента, министром или даже главой непризнанной республики. Без анализа подобных траекторий картина происходящего в украинском (и постсоветском в целом) обществе будет неполной.

Как изучать биографии командиров?

В настоящей работе мы использовали биографический метод. На основе открытых интернет-источников мы собрали биографические сведения о более чем 50 полевых командирах с обеих сторон. Размещенная в сети информация позволила получить данные о возрасте представителей этой группы, их образовании, профессии, месте работы (перед политической мобилизацией), (возможном) доходе, политической и общественной активности. Применительно к последней считаем нужным подчеркнуть: нас интересовали не идеологические взгляды и установки командиров, а их опыт участия в политической и общественной жизни страны как таковой.

Сразу же отметим ряд обстоятельств, повлиявших на характер рассматриваемой нами выборки.

Во-первых, представители анализируемой группы обладают ярко выраженной особенностью, неизбежно снижающей репрезентативность полученных нами результатов. Все они — командиры боевых отрядов, а для руководства боевым отрядом нужен соответствующий опыт. Поэтому среди них довольно много людей военной профессии.

Во-вторых, за время боевых действий военные отряды с обеих сторон могли поменять, и не раз, своих командиров. Некоторые командиры, возглавлявшие отряды и батальоны в момент их создания, погибли, другие сменили сферу деятельности или просто отошли от дел.

Мы берем биографии только первых командиров, считая, что именно они — наиболее харизматичные лидеры.

В-третьих, мы не могли не учитывать тот факт, что в ДНР и ЛНР новым лидерам пришлось создавать с нуля не только военные отряды, но также политические и государственные структуры. Если в основной части Украины такого рода структуры не претерпели серьезных изменений, то в «Новороссии» до весны 2014 г. многих их них (в том числе правительства и парламента) просто не было. В связи с этим мы добавили в нашу выборку несколько военно-политических лидеров, прежде всего со стороны ДНР/ЛНР (со стороны Украины к командирам был добавлен только один политический лидер — комендант Майдана Андрей Парубий).

В итоге в выборку вошли биографии 57 человек, примерно в равной пропорции из Украины и «Новороссии».

Перейдем теперь к описанию переменных¹² и способов их кодировки.

Возраст — количество полных лет (на конец 2014 г.).

Образование — порядковая переменная, отражающая уровень образования командира. Использовалась следующая кодировка: «0» — без образования; «1» — среднее специальное образование; «2» — военное образование; «3» — высшее образование; «4» — военное образование + высшее образование; «5» — два и более высших образования.

Возможный доход — порядковая переменная, характеризующая возможный доход командира. При ее вычислении мы опирались на заключения трех украинских экспертов, которых познакомили с деталями биографий командиров украинского происхождения (без указания имен и статусов), попросив оценить их возможный доход исходя из местных социально-экономических реалий. Для оценки была предложена шкала: «1» — высокий уровень дохода (позволяющий отнести человека к верхнему среднему или даже высшему классу); «2» — средний уровень дохода (заработка хватает на нормальную жизнь, но без излишеств); «3» — низкий уровень дохода (деньги приходится экономить). Показатель надежности полученных оценок (Кронбах-альфа) — 0,826, что говорит о достаточной степени их согласованности.

Род занятий — категориальная переменная, учитывающая последнее место работы перед началом украинского кризиса. Использовалась следующая кодировка:

- «1» — госслужащий, работник госсектора (например, Игорь Плотницкий, начальник отдела рыночного надзора Областной инспекции по делам защиты прав потребителей Луганской области);
- «2» — предприниматель (например, Семен Семенченко, владелец компаний «Областная курьерская служба» и «Новое спутниковое телевидение»);
- «3» — наемный работник/менеджер (например, Юрий Береза, заместитель начальника предприятия «Укрводпуть», занимался обеспечением безопасности судоходства на реке Днепр);

¹² Поскольку все командиры — мужчины, переменная «пол» нами не вводилась.

- «4» — рабочий (например, Михаил Толстых («Гиви»), промышленный альпинист, водитель дизельного погрузчика на канатном заводе);
- «5» — общественный деятель, профессиональный политик (например, Николай Колесник, депутат Криворожского городского совета VI созыва; председатель Криворожской городской организации ветеранов ВДВ);
- «6» — сотрудник правоохранительных структур/военный (например, Владислав Портянко, майор милиции);
- «7» — частный охранник (например, Игорь Безлер («Бес»), сотрудник службы безопасности завода «Горловский машиностроитель»).

Отметим, что многие командиры оказались яркими личностями со сложными биографиями. Ряд занятий было сложно классифицировать. Кроме того, мы не стали вводить специальную переменную, фиксирующую наличие судимости; такую информацию мы нашли о пяти командирах (Семенченко, Евгений Дейдей, Руслан Онищенко, Николай Кохановский, Александр Можаяев («Бабай»)).

Политическая/общественная активность — бинарная переменная, указывающая, имелся ли у командира опыт общественно-политической деятельности до «Евромайдана» («0» — нет, «1» — да). Лишь немногие командиры были в прошлом профессиональными политиками (например, Николай Шваля, консультант Комитета по правам человека и национальных меньшинств) или безработными политическими активистами (например, Алексей Мильчаков («Серб»)); значительная часть участвовала в общественной жизни непрофессионально, в свободное от основной работы время (например, Александр Мамошин («Самурай»), председатель Совета директоров ООО «Эскорт-2», полковник Уссурийского казачьего войска).

Звание офицера — бинарная переменная, указывающая, было ли у командира в прошлом офицерское звание («0» — нет, «1» — да). Принимая во внимание специфику изучаемого явления (организация боевых отрядов), правомерно предположить, что наличие подобного опыта могло иметь существенное значение. Мы учитывали как армейские звания, так и правоохранительные.

Прежде чем приступать к анализу собранных данных, стоит упомянуть те трудности, с которыми мы столкнулись. Во-первых, это скудность информации. Многие командиры появились как бы ниоткуда, не имея за собой «медийного шлейфа». СМИ преимущественно освещали их деятельность после формирования добровольческих батальонов / отрядов ополчения, мало что сообщая об их бэкграунде. Во-вторых, разные командиры по-разному проявляли себя в информационном поле — кто-то был постоянно окружен журналистами, кто-то предпочитал оставаться в тени. В-третьих, ввиду интенсивной информационной войны между Украиной и «Новороссией» мы не можем полностью исключить, что в полученной нами информации нет заведомо ложных сведений. В-четвертых, в ряде случаев на основе собранных данных можно было

построить только категориальные переменные, что, конечно, обедняет наш анализ.

Характер данных вынуждает нас использовать самые простые методики количественного анализа — описательную статистику и Т-тесты. Для получения более детальной картины мы, как правило, задействуем несколько подвыборок, разбивая общую выборку по медианному возрасту (до и после 40 лет) и политической принадлежности (Украина и «Новороссия»).

**Результаты
анализа
биографических
данных**

В командиры отрядов «новороссийского» ополчения и украинских добровольческих батальонов попали очень колоритные персонажи с пестрыми биографиями. Приведем для примера по две биографии с каждой стороны.

Вячеслав Шевченко, командир батальона «Кировоград». Родился в 1976 г. в Кировограде. Два высших образования: имеет дипломы исторического факультета Кировоградского государственного педагогического университета им. В.Винниченко и факультета права Киевской академии внутренних дел. Бывший работник милиции. Звание — старший лейтенант. Работал в учебном центре преподавателем тактико-специальной подготовки и рукопашного боя. Из органов милиции уволился по собственному желанию и ушел в охранный бизнес. Председатель Федерации свободного боя Кировоградской области и вице-президент Федерации боевого гопака.

Александр Беднов («Бэтмен»), командир отряда группы быстрого реагирования; с 20 по 28 августа 2014 г. был министром обороны ЛНР. Родился в 1969 г. в Луганске. Об образовании информации нет. В 1988—1990 гг. в составе ОМОНа служил в «горячих» точках СССР (Армения, Абхазия, Грузия). Затем работал в МВД Украины (до 2006 г.), капитан запаса. С 2006 г. — охранник, в том числе в ночном клубе «Колизей» (Луганск).

Константин Матейченко, командир батальона «Артемовск». Родился в 1970 г. в Константиновке Донецкой области. В 1991 г. закончил Томское высшее командное училище связи, в 2006 г. — Национальную академию государственного управления при президенте Украины. С 1991 по 1998 г. служил в армии, прошел путь от командира взвода до заместителя командира по тыловому обеспечению воинской части А0623 Артемовской механизированной дивизии. В 1998—2002 гг. — директор частного сельскохозяйственного предприятия «Квин», в 2002—2010 гг. — сельский голова села Покровское Артемовского района, с 2011 по 21012 г. — заместитель директора фермерского хозяйства «Радий».

Денис Пушилин, председатель Народного совета ДНР. Родился в 1981 г. в Макеевке Донецкой области. В 2001 г., после службы в армии, поступил на факультет экономики предприятия Донбасской национальной академии строительства и архитектуры. В 2002—2010 гг. работал в торговой фирме «Сладкая жизнь». В 2011—2012 гг. — активный участник

проекта МММ-2011 в Донбассе, быстро выдвинулся там на одну из ведущих ролей. В 2012 г., когда на основе МММ была создана партия, стал одним из ее членов.

Таким образом, наши «герои» — это охранники, фермеры, активисты МММ, волею судеб превратившиеся в полевых командиров, от которых во многом стала зависеть жизнь десятков тысяч людей. Далее представлены результаты простого описательного анализа собранных данных по рассмотренным выше переменным.

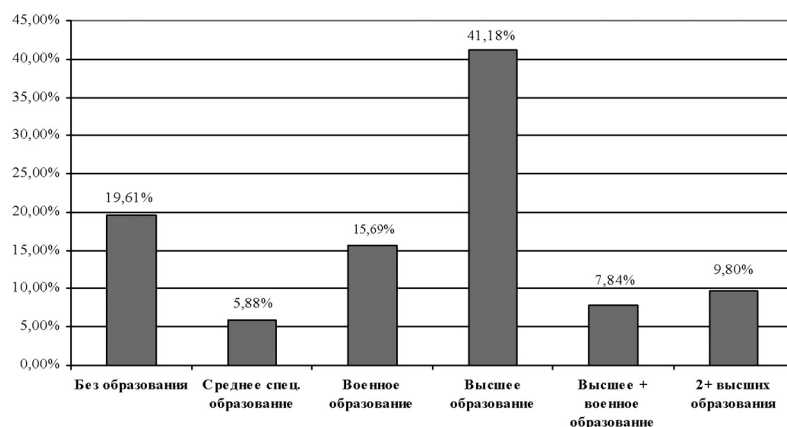
Возраст. Средний возраст командиров — 40,6 лет; при этом самому молодому из них 23 года (Мильчаков, ДШРГ «Русич»), а самому старшему — 58 лет (Николай Козицын, Казачья национальная гвардия). Младше 40 лет — 30 командиров, старше — 27. С точки зрения среднего возраста никакой разницы между украинскими и «новороссийскими» командирами нет: в первом случае он составляет 40,3 года, во втором — 41 год. Другими словами, в большинстве своем это мужчины в расцвете сил, в середине (возможно, на пике) своей карьеры.

Образование. Средний уровень образования командиров выглядит вполне приличным (см. *рис. 1*) — 2,41 по шкале от «0» до «5». Всего 10 из них (то есть менее 20%) не получили образования, еще у троих есть только среднее специальное. Более половины командиров (30 человек) имеют дипломы высших учебных заведений. Однако если посмотреть на качество этих учебных заведений, то вырисовывается несколько иная картина. Из 30 командиров с высшим образованием только шестеро закончили престижные вузы — МГУ им. М.В.Ломоносова (Александр Бородай, генеральный советник председателя Совета министров ДНР), Харьковский национальный университет им. В.Н.Каразина, Днепрпетровский государственный университет, Львовский государственный университет, Донецкий национальный университет, Харьковский национальный университет радиоэлектроники¹³. Трое из них обучались на истфаке, один — на философском факультете, еще один — на факультете компьютерных наук (специальность «информационные управляющие системы и технологии»)¹⁴. Основная же масса дипломов приходится на такие вузы, как, например, Криворожский горнорудный университет (121 место в рейтинге университетов Украины), Ужгородский национальный университет (41 место), Херсонский государственный университет (86 место) и т.п. Примечательно, что среди командиров нет выпускников престижных киевских вузов. Другая важная особенность — почти никто из командиров с высшим образованием не работал по специальности. Исключение составили лишь восемь человек, в том числе несколько милиционеров — выпускников специализированных университетов МВД, менеджер с дипломом по специальности «экономика предприятия», чиновник с дипломом по специальности «государственное управление» и спортивный тренер, закончивший педагогический институт.

¹³ Все перечисленные выше украинские вузы входили в топ-25 рейтинга университетов Украины за 2013 г. (см. *Рейтинг б.г.*)

¹⁴ Информации о специальности одного из командиров с элитным высшим образованием найти не удалось.

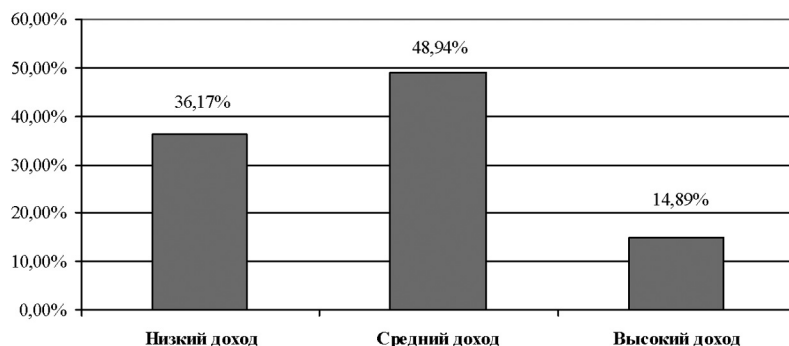
Рисунок 1 Распределение командиров по уровню образования

При разделении выборки на украинских и «новороссийских» командиров оказалось, что средний уровень образования первых выше (2,76 vs. 1,95), однако Т-тест не выявил статистически значимого различия между ними. Среди «новороссийских» командиров больше лиц без образования (6 vs. 4) и со средним специальным образованием (2 vs. 1), но меньше тех, кто получил высшее (8 vs. 13), высшее и военное (1 vs. 3), а также два высших образования (1 vs. 4); командиров с военным образованием поровну (4 vs. 4).

В свою очередь разделение выборки по медианному возрасту обнаружило, что молодые командиры менее образованы (1,92), чем более зрелые (2,83), причем Т-тест показал значимое различие. Среди молодых командиров существенно больше людей без образования (9 vs. 1), со средним специальным (3 vs. 0) и двумя высшими (3 vs. 1), но существенно меньше с военным (1 vs. 7) и военным и высшим образованием (0 vs. 4); командиров до и после 40 лет с высшим образованием примерно поровну (10 vs. 11). Приведенные цифры достаточно красноречиво говорят как о степени доступности образования для более молодого поколения, так и о выборе жизненных стратегий. Складывается впечатление, что представители этого поколения почти не рассматривали военное образование как карьерное преимущество (1 vs. 11).

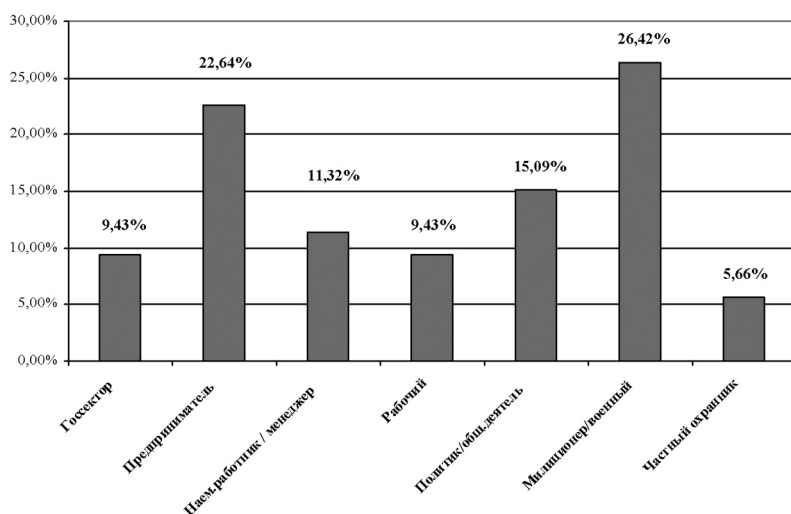
В целом уровень образования командиров невысок. При довольно внушительной доле командиров с высшим образованием, в большинстве случаев речь идет о выпускниках непрестижных вузов из нижней части рейтинга университетов.

Возможный доход. Распределение командиров по возможному доходу в целом дает единообразную картину (см. рис. 2). Среднее значение по выборке — 1,79, то есть слегка ниже медианного. При разде-

Рисунок 2 Распределение командиров по уровню возможного дохода

лении выборки как по возрасту (до 40 лет — 1,68, после — 1,91), так и по политической принадлежности (украинские — 1,87, «новороссийские» — 1,71) никакой значимой разницы не обнаруживается.

Род занятий. В профессиональном отношении состав командиров гораздо более пестрый (см. *рис. 3*). Как и следовало ожидать, больше всего среди них выходцев из военных/правоохранительных структур (13 человек, или 24,5%), на втором месте — предприниматели (12, или 22,6%), на третьем — политики/общественные деятели (8, или 15,4%). Далее идут наемные работники/менеджеры (6, или 11,3%), госслужащие (5, или 9,4%), рабочие и охранники (по 4, или по 7,5%). За этими цифрами скрывается широкая палитра профессий. В числе военных мы видим бывшего командира подразделения «Альфа» Донецкой области (Александр Ходаковский), сотрудника спецподразделения «Беркут» (Андрей Янголенко), работника военкомата г.Сватова, он же солист сватовского мужского ансамбля (Алексей Мозговой). Предприниматели представлены владельцем компании по производству топливозаправщиков (Андрей Тетерук), хозяином небольшого магазина (Алексей Карякин), учредителем компаний по организации детских праздников и производству наружной рекламы (Павел Губарев). Среди политиков/общественных деятелей есть депутат Верховной рады (Парубий), депутат горсовета (Колесник), помощник депутата (Богдан Войцеховский), партийный активист (Кохановский), казачий атаман (Алексей Павлов («Леший»)). К наемным работникам/менеджерам были отнесены заместитель директора фермерского хозяйства (Матейченко) и работник торговой фирмы (Пушилини), к госслужащим — таможенник (Александр Федоренко), начальник отдела рыночного надзора Областной инспекции по делам защиты прав потребителей (Плотницкий), а также заместитель директора вуза (Андрей Билецкий), к рабочим — гранитчик (Арсений Павлов («Моторола»)), промышленный альпинист (Толстых («Гиви»)) и каменщик (Павел Дремов («Батя»)). Охранники работали

Рисунок 3 Распределение командиров по роду занятий

в ночных клубах (Беднов («Бэтмен»)), возглавляли службы безопасности заводов (Безлер («Бес»)). Собранная информация не позволяет причислить кого-либо из командиров к верхнему среднему классу: среди них нет ни генералов (все офицеры не выше полковника), ни крупных предпринимателей, ни высших госслужащих (разряда заместителя губернатора или хотя бы главы департамента). В их рядах практически отсутствуют представители элиты (к ней можно отнести разве что депутата Верховной рады Парубия); скорее их можно назвать потенциальной контрэлитой.

При разделении выборки на «новороссийскую» и украинскую части обнаруживаются следующие различия. Среди украинских командиров гораздо больше выходцев из госсектора (4 vs. 1) и правоохранительных/военных структур (10 vs. 4) и немного больше политиков/общественных деятелей (5 vs. 3) и наемных работников (3 vs. 2). Среди «новороссийских» командиров больше рабочих (5 vs. 0) и предпринимателей (9 vs. 3), а также частных охранников (2 vs. 1). Предварительный вывод, который можно сделать на основе этих данных: среди украинских командиров больше «государственников», по роду деятельности связанных с государственной и политической системой (госсектор, правоохранительные органы, политика); среди «новороссийских» — людей из частного сектора.

Распределение по роду занятий представителей разных возрастных когорт довольно ровное. В госсекторе (3 vs. 1) и среди рабочих (5 vs. 0) чуть больше молодых; среди предпринимателей (7 vs. 5), правоохранителей (8 vs. 6) и политиков (5 vs. 3) — «старых». Примерно поров-

ну тех и других среди частных охранников (1 vs. 2) и наемных работников/менеджеров (3 vs. 3).

¹⁵ К политическим активистам мы относим в том числе депутатов различных уровней.

Политическая и общественная активность. Людей с опытом политической¹⁵ или общественной деятельности среди командиров почти половина — 47,2%. В качестве самых ярких примеров можно упомянуть атамана Всевеликого войска донского (Козицын), председателя Криворожской городской организации ветеранов ВДВ (Колесник), председателя совета Федерации организаций миротворцев Украины (Александр Гуменюк), регионального руководителя Организации украинских националистов (Коханивский). Примечательно, что наиболее представленными оказались организации ветеранов, казаки и националисты. Никого из правозащитных, гражданских, демократических организаций выявить не удалось.

При разделении выборки на украинскую и «новороссийскую» части обнаружилось, что среди украинских командиров политических и общественных активистов всего 36%, тогда как среди «новороссийских» — 60%. Однако Т-тест показал, что это различие незначимо. При группировке командиров по возрасту различия практически исчезают: среди командиров до 40 лет опытом политической или общественной деятельности обладают 46%, среди более старших — 48%.

Офицеры. Хотя, как уже говорилось, наличие опыта военной службы является бесспорным преимуществом при создании боевых отрядов, командиров с офицерским прошлым оказалось лишь чуть больше половины — 53%. Это, конечно, немало, но вместе с тем свидетельствует о том, что создание отрядов не было отдано на откуп профессиональным военным. О том же говорит и некоторое, пусть даже небольшое и статистически незначимое, преобладание милицевских офицеров над армейскими (53,6% vs. 46,4%).

При разделении выборки на украинскую и «новороссийскую» части выяснилось, что во главе добровольческих батальонов Украины офицеров заметно больше (69%), чем среди командиров отрядов ополчения (35%). Т-тест показал значимость этой разницы. Значимое различие выявилось и при разбивке выборки по возрасту: среди командиров после 40 лет офицеры встречаются гораздо чаще (65%), чем среди более молодых (37%).

Суммируя вышесказанное, можно попытаться ответить на поставленный в начале статьи вопрос: что представляют собой люди, возглавившие действующие на Украине вооруженные отряды? Портрет полевого командира получается примерно таким: мужчина средних лет с дипломом второсортного вуза и довольно скромным доходом, работающий не по специальности, не на самой престижной работе и невысокой должности. Особо подчеркнем три важных момента: среди командиров (1) много бывших офицеров, (2) много общественных и полити-

ческих активистов и (3) практически нет представителей политической или экономической элиты.

Обсуждение результатов

Как интерпретировать полученный портрет? Или иначе: можем ли мы говорить о схожести полевых командиров? Проведенное нами исследование доказывает, что в определенной степени да. Наш главный вывод можно сформулировать следующим образом. Командиры, конечно, это не социальное «дно» украинского общества, но это и не средний класс. В лучшем случае, это нижний слой среднего класса, а точнее — комбинация представителей низшего и нижнего среднего класса. Основания для подобного вывода: невысокий уровень образования, невысокий доход, невысокие должности, наличие проблем с законом. В итоге среди командиров оказалось довольно много случайных людей — охранников, фермеров, каменщиков, безработных казаков и т.д. В то же время это явно энергичные, по-своему талантливые люди, которые в прежних социально-политических условиях едва ли могли найти себе применение. Они не имели доступа ни к престижному образованию, ни к престижным должностям в экономике и политике. Похоже, что системные ограничения и неравенство украинского общества создавали для них труднопреодолимые препятствия на пути социальной мобильности. Особенно показательны здесь выявленные нами различия в уровне образования молодых и более зрелых командиров: либо качественное образование было молодым менее доступно, либо они не считали его важным для своей карьеры. Украинский политический кризис 2013 г. открыл для этих людей новое «окно возможностей»¹⁶, которым они не преминули воспользоваться, ведь их способностей вполне хватало на то, чтобы в кризисной ситуации с нуля создавать и возглавлять как боевые отряды, так и политические структуры. Иными словами, командиры представляли собой потенциальную элиту; можно также сказать, что они — контрэлита докризисного украинского общества.

¹⁶ Пиеворский 2000.

Рассуждая о природе общности рассматриваемой группы, нельзя обойти вниманием и тот факт, что среди командиров много «силови-ков» — бывших и действующих офицеров как из армейских, так и из правоохранительных структур. Напрашивающееся объяснение — военными подразделениями должны командовать военные — не кажется нам исчерпывающим. Вспомним, что бывшие и действующие военные уже выходили однажды на авансцену социально-экономических и политических процессов постсоветского пространства (в роли «силовых предпринимателей»¹⁷) — и это тоже был период ослабления государства и потери им контроля над аппаратом насилия. Одним из следствий утраты такого контроля был уход в «тень», в частный бизнес огромного количества силовиков. Немаловажно также, что в постсоветских странах имеет место своего рода «перепроизводство» силовиков — людей в погонах¹⁸. Карьера «служилого человека» является там довольно распространенной, но вместе с тем не очень престижной (к недовольству

¹⁷ Волков 2012.

¹⁸ Щербак, Титаев 2010.

¹⁹ Отсюда, в частности, высокий уровень коррупции в правоохранительных органах.

выбравших ее¹⁹). В условиях слабой или оказавшейся в кризисе государственности такое положение вещей способно стать источником серьезных проблем: вместо того чтобы быть опорой государства и режима, «служилые люди» используют кризис для своего продвижения.

Важным результатом своего исследования мы считаем ряд существенных дополнений к теории демократизации. Они касаются концепций среднего класса и гражданского общества.

Средний класс всегда был в фокусе теорий модернизации и демократизации. Согласно этим теориям, именно слой горожан с высоким уровнем дохода и образования — главный движитель демократических преобразований. Немалая роль в этом процессе отводится также распространению эмансипативных ценностей²⁰ и выбору в пользу ненасильственных методов протеста. Однако, как показывает наш анализ, полевые командиры, которые повели за собой людей в момент политического кризиса, принадлежат в лучшем случае к нижнему среднему классу. Среди их характеристик — невысокий уровень образования, невысокий социальный статус, невысокий доход, обилие связей с силовыми структурами. Едва ли эта группа является носителем эмансипативных ценностей, столь важных для успешной демократизации. Возникает закономерный вопрос: каковы перспективы демократизации, если главной движущей силой трансформаций выступает не средний класс, а непривилегированные слои общества, отчаявшиеся от бедности, коррупции, неравенства и отсутствия жизненных перспектив? Основная проблема, на наш взгляд, заключается в том, что подобного рода слои, как правило, остаются вне поля зрения исследователей смены режимов. Для понимания политических трансформаций на постсоветском пространстве нужно и четкое представление о социальной стратификации соответствующих обществ, и — особенно — внимание к непривилегированным группам. Мы мало что знаем об их политических установках и моделях поведения. Эта важная тема должна войти в повестку исследований политических процессов на территории бывшего СССР.

В огромном множестве работ подчеркивается важность сильного *гражданского общества* для успешной демократизации, в том числе на постсоветском пространстве. Сильное гражданское общество, определяемое как сеть добровольных автономных ассоциаций граждан, рассматривается и в качестве противовеса государству, и в качестве источника гражданских солидарностей, и в качестве кузницы демократических кадров. Наше исследование ставит под сомнение этот тезис. Из проведенного нами анализа следует, что, когда государство рассыпается и требуется вмешательство общественности, самой боеспособной частью гражданского общества оказываются организации бывших военных и националисты. Они в состоянии и успешно мобилизовать своих сторонников, и взять власть в свои руки. Среди наиболее активных акторов политической мобилизации весны 2014 г. на Украине не было низовых правозащитных гражданских организаций, которые обычно ассоциируются с продвижением демократических ценностей. Это и вы-

²⁰ Инглхарт, Вельцель 2011.

зов концепции «слабое государство — сильное общество», и явный провал в изучении гражданского общества на постсоветском пространстве. Как выясняется, активизм, сплоченность, способность повести за собой людей вплоть до участия в боевых действиях на порядок выше среди недемократических — ветеранских, полувоенных, авторитарных — организаций, что плохо согласуется с нормативной концепцией гражданского общества. Как минимум, наше исследование говорит о необходимости изучения подобных организаций в постсоветских странах.

Наконец, в какой мере полученные нами результаты описывают исключительно украинскую специфику? Можно ли распространить их на остальные постсоветские — и не только постсоветские — страны? Нам кажется, что ответ на последний вопрос должен быть скорее утвердительным. В своем фундаментальном труде Тома Пикетти пишет о росте неравенства в современном мире²¹, показывая, что богатство и успех все больше ассоциируются с наследованием, а не с упорным трудом. В свою очередь исследования прекариата²² говорят о том, что число людей, вынужденных довольствоваться временной работой, растет, в том числе в развитых странах. По сравнению с работающими на постоянной основе, у прекариата меньше трудовых, а значит — социальных, экономических и политических прав, меньше уверенности в завтрашнем дне, меньше шансов завести семью. Среди других характеристик этой растущей группы — повышенная тревожность, угроза маргинализации, аномия.

Фоном нашего исследования являются периферийность, бедность и неверие в возможность преуспеть собственными силами. В фокусе — общественно активные мужчины средних лет с невысоким социальным статусом, для которых протест и революция — чуть ли не единственный шанс изменить свою жизнь к лучшему. Можно предположить, что при усилении неравенства в мире протестный потенциал этой группы, особенно в периферийных и полупериферийных странах с гибридными и авторитарными режимами, будет расти. Однако вопрос о том, в какой степени этот социальный тип представлен за пределами постсоветского пространства, требует дальнейшего изучения.

Библиография

- Бурдые П. 1993. *Социология политики*. — М.
- Волков В.В. 2012. *Силовое предпринимательство, XXI век: Экономико-социологический анализ*. — СПб.
- Гельман В.Я. 1998. Как выйти из неопределенности? // *Pro et contra*. № 3.
- Голдстоун Дж. 2015. *Революции: Очень краткое введение*. — М.
- Дерлугьян Г.М. 2010. *Адепт Бурдые на Кавказе: Эскизы к биографии в миросистемной перспективе*. — М.
- Инглхарт Р.Ф., Вельцель К.П. 2011. *Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития*. — М.

Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. 2011. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ // *Историческая психология и социология истории*. Т. 4. № 2.

Мельвиль А.Ю. 1999. *Демократические транзиты: Теоретико-методологические и прикладные аспекты*. — М.

Мельвиль А.Ю. 2004. О траекториях посткоммунистических трансформаций // *Полис*. № 2.

Пшеворский А. 2000. *Демократия и рынок: Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке*. — М.

Рейтинг университетов Украины (<http://www.euroosvita.net/index.php/?category=49&id=3282>).

Щербак А.Н., Титаев К.Д. 2010. *Численность и финансирование правоохранительных органов: Сравнительно-статистический анализ постсоциалистических стран*. — СПб. (http://www.enforce.spb.ru/images/analit_zapiski/pm_4_chis_i_finan_final.pdf).

Carothers T. 2002. The End of the Transition Paradigm // *Journal of Democracy*. Vol. 13. № 1.

Gel'man V. 2006. From Feckless Pluralism to Dominant Power Politics? The Transformation of Russia's Party System // *Democratization*. Vol. 13. № 4.

Hroch M. 1985. *Social Preconditions of National Revival in Europe*. — Cambridge.

Piketty T. 2014. *Capital in the Twenty-First Century*. — Cambridge (Mass.), L.

Standing G. 2011. *The Precariat: The Dangerous New Class*. — L.

Stewart S. 2009. Democracy Promotion before and after the «Colour Revolutions» // *Democratization*. Vol. 16. № 4.

Tucker J.A. 2007. Enough! Electoral Fraud, Collective Action Problems, and Post-communist Colored Revolutions // *Perspectives on Politics*. Vol. 5. № 3.

References

Bourdieu P. 1993. *Sociologija politiki*. — М.

Carothers T. 2002. The End of the Transition Paradigm // *Journal of Democracy*. Vol. 13. № 1.

Derlugyan G.M. 2010. *Adept Bourdieu na Kavkaze: Ehskiye k biografii v mirosistemnoj perspektive*. — М.

Gel'man V.Ya. 1998. Как vyjti iz neopredelennosti? // *Pro et contra*. № 3.

Gel'man V. 2006. From Feckless Pluralism to Dominant Power Politics? The Transformation of Russia's Party System // *Democratization*. Vol. 13. № 4.

Goldstone J. 2015. *Revoljucii: Ochen' kratkoe vvedenie*. — М.

Hroch M. 1985. *Social Preconditions of National Revival in Europe*. — Cambridge.

- Inglehart** R.F., **Welzel** C.P. 2011. *Modernizacija, kulturne izmenenija i demokratija: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitija*. — M.
- Korotaev** A.V., **Zin'kina** Ju.V. 2011. Egipetskaja revoljucija 2011 goda: sociodemograficheskij analiz // *Istoricheskaja psikhologija i sociologija istorii*. T. 4. № 2.
- Melville** A.Yu. 1999. *Demokraticheskie tranzity: Teoretiko-metodologicheskie i prikladnye aspekty*. — M.
- Melville** A.Yu. 2004. O traektorijakh postkommunisticheskikh transformacii // *Polis*. № 2.
- Piketty** T. 2014. *Capital in the Twenty-First Century*. — Cambridge (Mass.), L.
- Przeworski** A. 2000. *Demokratija i rynek: Politicheskije i ehkonomicheskie reformy v Vostochnoj Evrope i Latinskij Amerike*. — M.
- Rejting** universitetov Ukrainy (<http://www.eurosvita.net/index.php/?category=49&id=3282>).
- Scherbak** A.N., **Titaev** K.D. 2010. *Chislennost' i finansirovanie pravookhranitel'nykh organov: Sravnitel'no-statisticheskij analiz postsocialisticheskikh stran*. — SPb. (http://www.enforce.spb.ru/images/analit_zapiski/pm_4_chis_i_finan_final.pdf).
- Standing** G. 2011. *The Precariat: The Dangerous New Class*. — L.
- Stewart** S. 2009. Democracy Promotion before and after the «Colour Revolutions» // *Democratization*. Vol. 16. № 4.
- Tucker** J.A. 2007. Enough! Electoral Fraud, Collective Action Problems, and Post-communist Colored Revolutions // *Perspectives on Politics*. Vol. 5. № 3.
- Volkov** V.V. 2012. *Silovoe predprinimatel'stvo, XXI vek: Ehkonomiko-sociologicheskij analiz*. — SPb.